

Рейснер Михаил Андреевич

**Что такое Советская
власть?**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М69

М69 **Михаил Андреевич Р.**
Что такое Советская власть? / Рейснер Михаил Андреевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 47 с.

ISBN 978-5-519-80518-6

ISBN 978-5-519-80518-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

душит трудящихся, где на помощь хозяйской власти над рабом приходит власть палки, сабли или виселицы.

Мы не только не делаем себе из власти идола и не строим ему капищ, но мы считаем, что лишь тогда мы достигнем нашей цели, когда не будет больше разделения на классы угнетателей и угнетаемых, не будет ни тюремщиков, ни палачей, и останется одна власть—природы, разума и свободной совести.

Спрашивается теперь, если мы отвергаем власть, то как же мы теперь в нашей рабоче-крестьянской республике не только принимаем власть, но и требуем подчинения ей со стороны не только наших врагов, но и со стороны „своих“..? Здесь можно даже спросить словами Писания: „разве сыны не свободны?“.

На это мы можем ответить только одно: наша власть не постоянная, а временная. Это власть исключительно для борьбы с нашими врагами, она нам нужна до тех пор, пока все еще стоят друг против друга две армии—труда и капитала, бедняков и богачей.

Мы хорошо знаем, что власть есть дело не сладкое и не веселое, нет никакой особенной радости в том, чтобы отвечать на насилие—насилием, на убийство—убийством. Но мы принуждены вооружить власть рабочих и крестьян, освобожденных от вчерашнего рабства, чтобы сломить власть грабителей и насильников, которые иначе снова загонят рабочее население в подземные вонючие ямы.

Власти мы не любим. Но пока надо, мы совершенно открыто говорим в нашем основном законе или конституции—„вся власть“ принадлежит у нас „всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах (ст. 10), а нужна она нам в „настоящий переходный момент“ для того, чтобы добиться при ее помощи „полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации (изнурения) человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти“ (ст. 9).

Уже в этих словах закона нельзя не видеть великого отличия между нашей конституцией и демократической. Мы не только открыто заявляем, что стремимся к конечному устранению всякой „государственной власти“, но прямо признаемся, что мы ее взяли для подавления враждебного нам класса, богачей и господ.

Такого прямого и честного заявления о том, кому принадлежит власть, мы не найдем у них в ихних самых демократических, самых „свободных“ республиках. Нигде у них не сказано правды, нигде не написано, что в ихних республиках „вся власть принадлежит буржуазии“, ростовщикам, барышникам, помещикам и всем этим живоглотам и кровопийцам!

Да и не удивительно. Если бы буржуи также прямо и честно сказали, что в ихних демократиях на самом деле властвует не народ, а они, народные захребетники и пауки, то не долго терпел бы их трудовой народ, живо понял бы он, в чем дело, и снял бы всю эту власть угнетателей со своей спины.

Вот почему в демократических законах никогда не говорится прямо, кому принадлежит власть, а только иносказательно, с вывертом, да с обманом: дескать, власть принадлежит не одному классу богатых и сильных, а всему народу. Не мы, мол, властвуем над трудящимися и угнетенными, а они сами властвуют вместе с нами во образе какого-то общего для всех „народа“, у которого туловище в лохмотья завернуто, а голова в шелку разгуливает! Хорошо рассказывают, да кто этим рассказам поверит!

А для того, чтобы раскрасить по настоящему, кто за этим обще-народным „народом“ скрывается, достаточно посмотреть, какие „народу“ в действительности свободы и права предоставлены у них и у нас.

Действительные и обманчивые свободы.

На первый взгляд в демократических законах все очень красиво расписано. Чего только нет. И неприкосновенность личности, и неприкосновенность жилища, и сохранение тайны переписки, и свобода совести, и свобода слова, и свобода союзов и собраний, и свобода передвижения, и свобода занятий, и свобода хозяйственной деятельности и каких еще свобод только нет. Отсутствует разве свобода ходить в гости, свобода умирать с голоду, или думать про себя свои мысли.

Нечего говорить, хороши свободы. Но только не надо забывать, что легко свободы написать, а трудно их исполнить. Ведь всякая свобода есть свобода для чегонибудь. И чтобы свободой пользоваться надо для этого средства и способы иметь.

Легко предоставить свободу ходить безногому, свободу кричать немому, а свободу грызть золотые орешки — беззубому.

Вот, как бы так с демократическими свободами не вышло. Свобода-то, свобода, а как ее возьмешь.

Богатому и так без всяких особых законов о свободе всяческая свобода предоставлена. Что захотел, то и купил, кого пожелал, того нанял. А так как в иностранных демократических странах высшая сила — деньги, и за них все купить можно: и любовь, и здоровье, и талант, и знание, и даже честь и славу, то выходит, что, действительно, у буржуазии и без всяких особых вольностей свобода великая. Поэтому, где власть, там и свободы.

На совсем другом положении бедняки во всех этих „свободных“ странах. Есть у него „неприкосновенность личности“. Значит, иначе, как по суду его ни арестовать, ни лишить права не смеют. Как будто и хорошо.

А на самом деле куда ему нужна его личность, когда она голодная, есть просит, и за краюху хлеба он свою неприкосновенную личность любому капиталисту на каторжный труд с удовольствием запродаст. А хозяин с этой неприкосновенной личности семь шкур спустит.

Что же, для бедняка так уж важно, что его не полиция, а суд под арест посадить может?.. Думаем, что это тоже особенной разницы не составляет. И если за неплатеж квартирной платы или арендных денег несчастного выбрасывают вон из „неприкосновенного“ для полиции жилища судебный пристав по судебному приговору, то вряд ли от этого бедняку особенно тепло или жарко. Конеч один.

Тоже самое можно сказать про все знаменитые демократические свободы. Вот, к примеру, свобода слова. Казалось бы хорошо. Ведь это значит, что всякий может и устно, и письменно, и в печати все свои мысли высказывать, всю правду, как знает и разумеет, без стеснения резать. Хочешь на площади говори, хочешь книжку или газету печатай.

Но беда здесь в том, что в настоящее время не всякое слово люди услышат. Попусту слова тратить никому охоты нет. А чтобы твое слово действительно другие услышали и поняли, надо, чтобы или его в большой газете напечатали, или в книге издали, либо в большом помещении перед огромной публикой сказали. А для этого нужны типографии, бумага, издательское предприятие, книжная торговля и капиталы и еще капиталы. Если для книги нужны тысячи и десятки тысяч рублей, то для газеты прямо миллионы. Отсюда же вытекает одно: свободное слово находится целиком в лапах у капитала, а у нищего никакого свободного слова, несмотря на все свободы, нет.

И даже самое дорогое для рабочего люда право союзов и собраний, включая в это же число свободу стачек, ничего не значит, если та же свобода дана и капиталу. Задушит свобода капиталистов свободу рабочих, как это мы не раз наблюдаем в разных, с по-

зволения сказать, „свободных“ странах. Возьмем для примера знаменитую и всюду кричащую о своей свободе Америку.

В Северо-Американских Соединенных Штатах не раз бывали крупные стачки и забастовки рабочих в борьбе за повышение заработной платы и улучшение условий труда. И что же, несмотря на все свободы, стачки эти кончались обыкновенно весьма печально для рабочих. И между прочим выяснилось одно: среди рабочих в Америке масса шпионов, предателей и провокаторов, которые изнутри разбивают забастовщиков, а для усмирения восставших всегда имеется достаточное число жандармских команд и даже целых жандармских полков с пушками и пулеметами.

Спрашивается, откуда в демократической стране, где давно уничтожены жандармы, эти палачи и охранники. Очень просто. На основании свободы союзов капиталисты-фабриканты тоже заключают союз, образуют за свой счет частные полки наемных жандармов, которые там называются „Пинкертонами“, устраивают вольнонаемную охранку, и все в полном порядке. Свободные капиталисты при помощи свободно нанятых Пинкертонов расстреливают не менее свободно восставших рабочих. Свобода торжествует, а рабочие должны продаваться капиталистам, как жалкие рабы.

От этих „свобод“ резко отличаются наши свободы. По нашему человек действительно свободен только тогда, когда он сыт или иначе говоря, когда у него имеется возможность прокормиться своим трудом и нет надобности продавать своей силы за дешевку капиталисту. А такая свобода может существовать лишь при социалистическом порядке, где вся земля отдана в распоряжение сельских работников, где фабрики и заводы предоставлены в управление рабочим, а все дома и капиталы переданы в завладение всему населению, чтобы все трудящиеся одинаково пользовались общим трудом и достоянием.

Только там, где все работают на всех, где все помогают всем, где капиталы, фабрики, дома и земли находятся в распоряжении и управлении рабочего населения — возможна и свобода всех.

И в нашем основном законе, в конституции, в первом ее разделе в статье 3-ей и установлены все эти меры, которые должны привести не к дутой, а настоящей свободе, к неприкосновенности не только от полиции, но и от хозяйского кулака. По этой статье вся сила угнетателей - капиталистов отнимается у них и передается самому рабочему населению. А коли им нечем больше угнетать, то, ясное дело, не будет и угнетенных.

По американской и всем прочим конституциям вся сила капитала оставляется за капиталистами, и после этого провозглашается свобода. Немудрено, что свободный капиталист, имея в руках всю силу, легко согнет три погибели самого свободного бедняка и сделает его несвободным. Иное дело у нас. У нас вся сила передана рабочему и трудовому крестьянскому населению. а значит капиталист, если бы и хотел угнетать, да не может. Вот это свобода настоящая.

Тоже у нас и с другими вольностями и правами. Когда у нас предоставляют рабочему населению в городе или деревне свободу слова, так первым делом стараются, чтобы для этого слова была и типография и бумага и доставка, или иначе говоря, все, что для печати и распространения нужно. Тоже и для свободы собраний и союзов и свободы просвещения — наша конституция предоставляет не только одно право, но, самое главное все средства, чтобы бедняк мог действительно этой свободой воспользоваться — помещение, бесплатное обучение и т. п. (ст. 14-17). Это дело другое. А провозглашать свободу и не давать ей воспользоваться — это не свобода, а обман.

III.

Равенство и братство.

И такой же обман встречаем мы со словом равенство.

Очень любят демократы в буржуазных странах щеголять этим словом. Что и говорить слово золотое. Без равенства не может быть никакой справедливости. Поэтому равным и полагается равное. Во французской республике вот даже над участками, слова: „свобода“ и „равенство“ красуются. Только опять надо посмотреть, нет ли и здесь какого-нибудь надувательства.

И вправду, так и есть. Говорят милые люди о равенстве, а действительно провести его не хотят. И когда их припрешь к стенке, оказывается, что равенство у них только в правах, а не в действительности. Всякий имеет право на все, а получает только тот, кто заплатить может. У них значит люди равны, да карманы не равны. И у кого карман больше, тому действительно все и полагается. А у кого в кармане ничего, тому несмотря на все равенство ничего и не полагается. Нечего сказать, хорошее равенство.

Стоит только пойти на биржу труда в любой демократической республике, чтобы убедиться в их удивительном равенстве. На бумаге у них действительно очень гладко. Равные друг другу человеки противостоят друг другу с равными правами и борются за свою выгоду, как два бойца. Предприниматель хочет купить подешевле человеческую живую силу, чтобы выкачать ее себе на прибыль, рабочий хочет продать ее подороже, чтобы обезпечить себе кусок хлеба. И казалось бы, суд в равной мере защищает права и того и другого.

Но один из этих равных граждан капиталист. А это значит, что в его власти находятся жильцы его домов, покупатели его товаров, арендаторы его имений, должники по его ссудам, рабочие на его фабриках, кре-

стьяне на его землях, которые все зависят от его воли, работают на его казну и платят ему подати и дани, кто рублем, кто горбом, кто за комнату, кто за кусок хлеба, кто за товар; и как неограниченный царь властвует над всеми капиталист и может долго выжидать подходящей для себя цены на рабочие руки.

А рабочий, который продает свою силу на бирже труда?

Что же, равен он капиталисту или нет? Равные ли силы у этих двух бойцов?

За спиною рабочего голод и нужда, семья которого просит есть, да целая армия таких же безработных, как он сам, которые готовы вырвать друг у друга из рта ту подачку, которую им бросает капиталист. Тут выжидать нельзя. Торговаться долго невозможно. Приходится брать, что дают. Слабейший должен покориться и уступить сильному. Спрашивается, где же тут равенство?

Наша конституция праздных слов о равенстве не говорит. Мы отлично знаем, кто равен и кто неравен. Равных нам мы зовем в наше трудовое братство. Всеми равными правами у нас пользуются действительно равные нам люди. Это все, кто не пользуется чужим трудом, не живут с капитала, не выжимают из своих ближних их сил, не питаются чужим потом и кровью. Другими словами это все трудящиеся, все рабочее городское и сельское население нашей республики,—они у нас равны, и им принадлежат все права.

Но мы не признаем равных нам тех, кто действительно нам неравен, всех капиталистов и помещиков, банкиров и фабрикантов, купцов и промышленников, которые ничего не делают и делать не хотят, а пожирают нагребленное у других добро, владеют, как цари над своей собственностью и над зависящими от них людьми. Нет, эти собственники нам не равны. Это сильные и страшные звери, это наши исконные и неутомимые враги, им равных прав мы не дадим.

Дай сильному равные права со слабым, и он его сейчас задушит. Пусти тигра рядом с овцой, он ее во мгновение растерзает. Чтобы уравнивать неравных бойцов надо слабейшему силы прибавить или у сильнейшего силу отнять. А чтобы дикого и кровожадного зверя обезвредить, надо засадить его в крепкую клетку за железную решётку. Вот тогда настоящее равенство и будет.

Понятно теперь, почему по советской конституции у богачей все важнейшие права отняты, и равенства прав они у нас лишены, как это в ст. 23 и 65 и указано.

Но это не значит, что мы запрещаем им перейти в нашу общую трудовую семью. Пусть откажутся от своей несправедливой власти, от тунеядства, от собственности и капиталов, пусть отложат гордыню и презрение к трудящимся и примутся за „производительный и общественно-полезный“ труд (ст. 64), и дело сделано. Тогда, как равных, мы их примем в нашу Социалистическую республику, где установлено великое правило: „не трудящийся, да не ест“ (ст. 18).

Любят еще говорить сторонники буржуазной демократии о „братстве“ в своих республиках. Но об этом вряд ли можно серьезно разговаривать. Мы отлично все знаем, что у них весь их порядок и вся жизнь на торговле построена. А где торговля, там о братстве мечтать не приходится.

Это в труде имеется братство, когда плечем к плечу люди работу обламывают, вместе дело делают, друг другу помогают. Это среди бедноты и рабочих есть братство, так как голодный голодного всегда понимает и в нужде поможет и в несчастье пособит. В семье может быть братство, когда друг дружку муж и жена любят и детей берегут. Даже в битве и революции есть братство между теми, кто свободу защищает и за свою революцию с мечем идут.

Но воистину трудно понять, какое братство может быть там, где надо всем царит торговля, где люди,

суделившись на одиночки, как дикие звери рвут друг уидруга изо рта добычу, где все продают и покупают, человек больше не почитает ближнего за человека. Ведь в торговле нет ни отца, ни матери, ни близкого, ни дорогого. В торговле побеждает грош, а у него нет ни совести, ни сердца. Каждый за себя, каждый против всех — вот единая заповедь базарной веры. И эти люди говорят не только о свободе, равенстве, но словно в насмешку, еще и о братстве. Лжецы и лицемеры!

Но обман и притворство — единственное средство, которым буржуазные демократы могут скрыть от народа беспощадный гнет капитала над трудом, и к тому же средству они прибегают, когда говорят о всенародном избирательном праве, о всенародном представительстве.

IV.

Подделка народных выборов.

И здесь в буржуазной демократии все построено так, чтобы ослепить и одурачить.

В чем состоит демократическое избирательное право?

Оно состоит в том, что все граждане, взятые в одиночку, каждый по достижении известного возраста, имеют право участвовать в голосовании и выбирать своих представителей или депутатов в разные государственные думы, учредительные собрания, парламенты, сеймы, палаты, или как они там еще называются.

Правда, это право было народом добыто не сразу. Богачи, помещики, банкиры и фабриканты так опасались подпустить трудящихся к государственному управлению, что только после целого ряда революций и восстаний удалось бедному населению получить всеобщее право голосования. Сначала в эти все думы и парламенты допускались только богатые и знатные, или